

О роде Ковалевских

*«Время обращает все в прошлое»
Эсхил*

Когда-то давно, когда была еще жива мама, уже состарившаяся, но еще сохранявшая прежнюю ясность ума, я, тогда молодая и самонадеянно полагавшаяся на свою память, все же записала с ее слов буквально несколько строк - имена, фамилии, национальность и еще какие-то случайно заинтересовавшие меня сведения о моих прадедах и прабабушках по материнской линии. Сейчас даже приблизительно не могу припомнить, что именно побудило меня в тот день сделать эти торопливые пометки, что помешало их в дальнейшем продолжить, но примерно тогда же при мамином участии я подписала некоторые старые фотографии.

Тот крохотный листок с небрежной записью стал отправной точкой для путешествия в прошлое, которое я попыталась совершить спустя годы, осознав, что канва воспоминаний уже основательно поистрепалась. Теперь потребовалось серьезное усилие, чтобы восстановить связь между разрозненными фрагментами, выдержавшими испытание временем.

Я родилась в канун 39-го года, когда по стране уже прокатилась волна репрессий и многие темы стали запретными. Хотя наша семья почти не пострадала (лишь одна папина родственница была арестована, да и та чудом была освобождена из Лубянской тюрьмы при смене наркомов), это можно было считать лишь счастливым стечением обстоятельств: в своей анкете отец не скрывал, что тесть, мамин отец, до революции владел землей в Псковской губернии и был дворянином. Возможно, спасла репутация отца, далекого от политики, целиком погруженного в практическую работу оперирующего хирурга и научную деятель-

ность; возможно, сыграла роль деятельность маминого отца Владислава Викентьевича Ковалевского в годы после революции.

Дедушка Владислав Викентьевич, псковский дворянин, юрист по образованию, принадлежал к тому кругу российской интеллигенции, который всегда придерживался либеральных взглядов и от новой власти искренне ждал демократических преобразований. Более того, в первые послереволюционные годы в числе других буржуазных специалистов дедушка был востребован Советами и по поручению Наркомпрода обеспечивал закупку продовольствия для нужд Красной Армии и населения Псковской, Воронежской, Курской, Екатеринославской, Харьковской и Таврической губерний, Донской области, затем получил назначение в Эстонию, где работал заместителем торгпреда.

Один из его сыновей, Лев Владиславович, служил морским летчиком на Балт-флоте. Судьба других сыновей, Володи, Саши и Миши, мобилизованных в 1914 г. и не вернувшихся с фронта после революции, долго была неясна. Старшая дочь, Аделаида с детьми и младшая, Валентина, жили в Ленинграде. Елена, моя мама, переехала в Москву к мужу. Дочь Евгения прошла войну с фронтовым лазаретом, тяжело болела и умерла в 1925 г. от туберкулеза. Она была похоронена в Измалкове на семейном кладбище, где покоились Викентий Антонович Ковалевский и другие родственники.

Тем не менее, в 1925 г. по решению Новоржевской Укомиссии семья Ковалевских вынуждена была оставить бывшее имение Измалково. Об имуществе речи не шло - оно было давно изъято. В сущности это был «мягкий» вариант выселения, без сопровождения сотрудниками ОГПУ и других репрессивных мер в отношении семьи дедушки. Просто осуществлялось широко-масштабное выселение бывших помещиков из принадлежавших им до революции имений.

Лебеденко Елена Владимировна - член Союза архитекторов России (Москва)

Мало сказать, что Владислав Викентьевич, мой дедушка, был человеком последовательно демократических убеждений: долгие годы работая гласным Новоржевского уездного земского собрания, он постоянно обращался к проблемам крестьянства. В самом имении Измалково между ним, крестьянами и дворовыми людьми сложились своеобразные, как теперь бы сказали, «патерналистские» отношения, что в сущности уберегло семью, когда началась революция. Измалково избежало погромов и пожаров. В доме до 1925 г. по-прежнему жили бывшая кухарка Прасковья Артемьева, которую на польский лад звали «матка Проска», бывший кучер, всеобщий любимец Кузьма Захаров, его брат Сергей Захаров (имевший надел в деревне Барсуки), И.С.Чернышева (жительница Прокофнова) и Александр Егоров (д. Осье).

Их имена были перечислены в доносе на деда, направленном в мае 1924 г. в Новоржевское ОГПУ от граждан деревни Фомино Дворицкой волости Павла Бугоркова и Федора Иванова, которые требовали установить за Владиславом Викентьевичем надзор, обвиняли его в двойной игре, а заодно доносили на советских служащих, сочувствующих, по их мнению, бывшим помещикам и лично «старика» Ковалевскому. По-видимому, этот донос сыграл в деле выселения моего деда и его домочадцев из имения Измалково далеко не последнюю роль.

После 25-го года нельзя было и мечтать о возвращении в бывшее имение, само название Измалково для моих близких постепенно превратилось в своеобразный символ, стало призрачным воспоминанием, однако рассказы о нем неизменно передавались детям, внукам и внучатым племянникам Владислава Викентьевича, родившимся спустя десятилетия.

Вспоминали милые эпизоды той безвозвратно ушедшей жизни, которая лепилась, в первую очередь, вокруг личности самого Владислава Викентьевича Ковалевского. Несмотря на его довольно успешное продвижение по служебной лестнице, моему деду было далеко не просто содержать большую семью. На его попечении оставались

престарелые родители и незамужняя сестра жены, подрастало девять человек детей, постоянно гостил кто-нибудь из большой родни. Забот было много, но основной задачей дедушки было дать детям достойное образование. Лишних расходов позволить себе не могли, поэтому одежда старших детей перешивалась, частично обновлялась и переходила к младшим, нижнее белье штопали и подновляли. Семья была так велика, что справиться со штопкой и починкой детского белья женщины не могли и, хотя не чурались этой работы, когда накапливался ворох белья, приглашали штопальщицу. Прабабушка Аннета, жена Викентия Антоновича, достигла в искусстве художественной штопки такого совершенства, что ее штопаную-перештопанную, буквально кружевную, ночную сорочку моя мама долго сохраняла после ее смерти.

Со времен молодости моей прабабушки сохранился ее кринолин, который любили рассматривать девочки. Бабушка Александра Федоровна, жена Владислава Викентьевича, уже не застала моду на кринолины, ее гардероб маме не запомнился, он был невелик, тем более что она почти всегда была «в положении»: она родила одного за другим 12 человек детей. Из них один ребенок из двойни погиб при рождении, а еще двое умерли в младенчестве от детских болезней. Впрочем, не хочу, чтобы из моих записок сложилось представление о чуть ли не бедственном положении семьи: на старых фотографиях все одеты соответственно требованиям времени - скромно, но элегантно.

То же касалось и всего остального быта. Готовить в семье умели, на кухне кудесничала бабушкина сестра Евгения Федоровна Фальтинг и Прасковья Артемьева, кухарка. В доме частенько готовили зайчатину и дичь, привезенную с охоты, - рябчиков, тетеревов и глухарей. Готовили в духовом шкафу или тушили в сметане, а подавали к столу с моченой брусникой или яблоками и маринадами своего приготовления. Пух и перо тоже шли в дело - на подушки и перины. Всей семьей любили собирать грибы - рыжики, белые, подосиновики, опята. Их жарили, а из сыроежек, от-

Архитектор из Москвы Е.В. Лебеденко передаёт в филиал облгосархива документы своего семейного архива.

**Родовое кладбище в имении Измалково.
Снимок сделан в начале XIX века.**

варенных и охлажденных, готовили особый салат - с репчатым луком и сметаной. Готовили рыбу, которой в ту пору было много. В прудах Измалкова специально выращивали карпов.

В заботливых руках прадеда обильно плодоносили фруктовые сады. Под влиянием брата моего деда, Михаила Владиславовича, всерьез увлекавшегося пчеловодством, держали пасеку. Сохранилась книга прадеда - руководство по пчеловодству. Яблоки, ягоды, мед были на столе всегда, а экзотические фрукты - апельсины или ананас - покупал лишь раз или два в году, к большим праздникам. В Рождество крестьянских детишек приглашали на елку, дарили гостинцы.

На Пасху пекли «бабки», и вся детвора ходила на цыпочках, чтобы не осело тесто. В пасхальную неделю катали яйца. Для этого устраивались специальные горки, и в развлечении участвовала вся округа. Случаи жульничества пресекались играющими неукоснительно (некоторые умельцы доводили крутое яйцо до каменной твердости и неизменно выигрывали, пока не попадались на этом).

В семье уважительно относились к традициям православия, и местный батюшка не был редким гостем в Измалкове, хотя сам Владислав Викентьевич происходил из католической семьи, а Александра Федоровна - из протестантской. В доме хранилось Священное писание, награда, полученная дедушкой в 1897 г. от Священного Синода за его деятельность в Обществе попечительства о всенародной трезвости. Куда потом пропала книга и сумел ли дедушка вывезти ее из Измалкова, я уже никогда не узнаю.

Дети подрастали, Владислав Викентьевич продвигался по службе, и в 1904 г. он получил назначение в С.-Петербург. В Измалкове оставался жить Викентий Антонович, продолжал заниматься садом, пасекой, лошадьми и псарней. До глубокой старости он увлекался охотой, поэтому собаки были преимущественно охотничьих пород, в основном гончие; однако держали и овчарок, и сеттеров. В те времена округу часто беспокоили волки, и время от времени

всем миром устраивали волчьи облавы. Моей маме в юности довелось участвовать в такой облаве.

В Измалкове была неплохая конюшня. По решению Новоржевского уездного собрания в имении дедушки находился случайный пункт «для улучшения породы лошадей в уезде». Другой случайный пункт был организован позднее в 1903 г. в селе Успенском; ответственным за него был назначен помещик П.П.Елагин.

Когда дети были маленькими, ярким событием всякий раз становились поездки в Великие Луки или Псков, где жили родственники. С назначением Владислава Викентьевича в С.-Петербург большую часть года семья проводила в северной столице, но летом все снова собирались в родовом гнезде. Тогда снова начинались бесконечные пешие и конные прогулки по окрестностям, милые дурачества, возня с собаками, поездки к соседям и родным, игра в крокет, теннис, охота и рыбалка. К этому периоду относится и семейное увлечение фотографией, которому я обязана сохранившимися свидетельствами тех давно ушедших дней.

Фотографии иногда использовались в качестве открыток. И внимательное прочтение текста в некоторых случаях позволило мне уточнить некоторые биографические подробности, в том числе касающиеся Константина Викентьевича, брата дедушки. Датированных фотографий в мамин архиве оказалось немного, еще меньше содержало какой-либо текст, но после соответствующей систематизации они все же давали шанс разгадать некоторые обстоятельства жизни семьи.

Мало-помалу мне удалось разобраться в сложностях родственных связей давно ушедших родных и воссоздать свое восходящее родословие до Михаила (Михала) Ковалевского, прадеда Владислава Викентьевича. С какого-то момента возможности семейного архива были полностью исчерпаны, но работа увлекла, и я почувствовала потребность опереться на какие-либо документальные свидетельства, возможно, я надеялась, хранящиеся в архивах.

Счастливым случаем подарил мне встречу с С.-Петербургским исследователем истории псковского дворянства Андреем Александровичем Шумковым, который уже сталкивался с архивными документами по псковским Ковалевским. Он поделился со мною известной ему информацией и посоветовал обратиться в Псковский государственный архив, конкретно к Елене Михайловне Кацнельсон, заведующей отделом информации архива. Нельзя переоценить ту помощь, которую я получила от нее. Благодаря обнаруженным в псковском архиве документам постепенно стали заполняться многие пробелы в моих материалах; более того, Елена Михайловна подсказала мне параллельно заняться поисками документов в Великолукском филиале госархива. Завязавшая переписка с директором Великолукского филиала Анатолием Ивановичем Сизовым позволила мне познакомиться с неизвестными сторонами деятельности в уезде не только моего деда Владислава Викентьевича, но и его родных братьев, Константина и Михаила, узнать подробности выселения семьи из бывшего имения деда и многое другое.

На подавляющем большинстве карт Измалково в силу своей малости не значилось, и само его местонахождение до поры было мне неизвестно. Теперь оно перестало быть «тайной за семью печатями», и весной 1998 г. я наконец смогла осуществить свою давнюю мечту поклониться земле предков.

Мой путь лежал через Великие Луки, город, который сразу очаровал меня прелестью острова Дятлинка, гордым Валом над рекой Ловать и вызвал неуловимое ощущение щемящей нежности, словно от встречи с чем-то родным. Это чувство убедительнее любых документов подсказывало, что я ступаю дорогами дедов. Меня встретил Анатолий Иванович Сизов, заведующий филиалом Псковского архива, и познакомил с новыми документами, обнаруженными им и связанными с именем старшего брата деда, Константина Викентьевича Ковалевского, чья судьба была во многом связана с Великими Луками, а также показал подлинные документы, составлен-

ные и собственноручно подписанные рукою моего дедушки, Владислава Викентьевича Ковалевского, связанные с его участием в 1-й Всероссийской переписи населения в качестве заведующего 3-м Новоржевским переписным участком.

Тот первый день, проведенный в Великих Луках, словно погрузил меня в мир прошлого, и на следующий день с теплым напутствием Анатолия Ивановича я добралась до Бежаниц, откуда уже пешком преодолела последний отрезок пути (приблизительно 12 километров), лишь в самом конце воспользовавшись попутной машиной. Ноги будто сами несли меня, я радостно вслушивалась в пение жаворонков, и мне временами казалось, что сам прадед ждал меня впереди на пороге своего дома. Я шла, вглядываясь в убегающие к горизонту весенние дали с тающими в синеве неба сизыми дымками от кострищ, с еще жухлой после зимы травой. С нового поворота открылся необъятный простор, пересеченный грядой холмов и угадывавшимися за ними ложбинами. Дорога то поднималась на холм, то спускалась и пересекала речушки, бегущие по ложу из валунов, затем опять ползла вверх, и лес тесно обступал ее с обеих сторон. Путь был пустынным, по дороге мне почти никто не встретился. Какой-то пёс, когда я присела, сверяясь с картой, неожиданно появился из-за кустов, приветливо подбежал ко мне, и я поделилась с ним прихваченным в дорогу бутербродом.

Шла я, наверное, около трех часов кряду и, наконец, оказалась на месте. К тому, что дома, в котором когда-то жила большая семья деда, давно уже нет, я была готова. Я слышала от родных, что во время войны он сгорел, однако амбар и конюшня чудом уцелели. Амбар сохранился сравнительно хорошо, он основательно стоял на фундаменте из больших тесаных камней серого и красноватого гранита, плотно пригнанных друг к другу и скрепленных цементом.

Конюшня сохранилась хуже, чувствовалось, что покосившиеся стены когда-то пытались подпереть, а потом бросили. Пристройка советских времен сохранилась едва ли не хуже. В этих строениях смутно

угадывались постройки со старых фотографий. Всё остальное было уничтожено во время войны. Местные женщины встретили меня с сочувствием. Я наконец увидела холм, где когда-то был некрополь; старожилы помнили, что здесь раньше «хоронили господ», но кладбища как такового не было. До того мне казалось, что полутора- и двухметровые каменные кресты легко укажут мне могилы, но оказалось, что кресты сняли еще в 30-е годы, в пору ожесточенной борьбы с религией, а могильные холмики сровнялись с землей. Глубокую боль я испытала, узнав от старожил и о случае вандализма, произошедшем на кладбище уже в послевоенные годы. Забегая вперед на целых два года, должна высказать свою признательность местным жителям за их сочувственное отношение в тот трудный для меня момент и за то, что в дальнейшем они восстановили по уцелевшим основаниям крестов могильные холмики, расчистив их от дерновины и подлеска и за их бескорыстное участие в закладке памятного знака в мае 2000 г., а спустя месяц, - в установлении креста на месте бывшего некрополя (при поддержке отдела культуры Бежаницкого района).

Тогда же холм, вопреки забвению и запустению, сам словно нерукотворный памятник, стоял посреди ложбины, залитой талой водой, отдаленно напоминая плоский могильный курган. Он беспорядочно зарос деревьями, старыми и подлеском, некоторые деревья наклонились, другие обрушились, но опушка была открыта весеннему солнцу, и на ней, как тайный знак, лежал обломок могильного камня.

Сомнений не было - здесь были когда-то похоронены мои прадед и прабабушка, сестры и брат моей матери, ее тётушка и еще многие другие родные из когда-то многочисленной семьи Ковалевских. Подумалось, что, возможно, раньше здесь хоронили и кого-то из прежних владельцев Измакова, Нелединских, которым имение принадлежало в конце XVIII и начале XIX вв., до того как его приобрел прадед.

Ложбину с кладбищенским холмом словно ожерельем обрамлял лес. Низина

раньше была запружена полностью, теперь же частично используется как выпас для скота, и зеркало воды значительно сократилось. У подножия взгорка протекает речушка, которая когда-то питала пруды. Диссонанс красоты окружающей природы и опустошенное кладбище (об остальном в тот момент не думалось) произвел на меня тяжелое впечатление. Долго, несколько месяцев, я не могла взяться за обработку собранных в поездке материалов, тогда же эмоции так захлестнули, что мне тяжело далось решение закончить намеченную заранее программу и добраться в Псков через Новоржев.

Новоржев подарил мне встречу с Мариной Михайловной Шутовой - сотрудником краеведческого музея и подлинным хранителем истории Новоржева и его окрестностей. Благодаря ее искренней и своевременной поддержке мне удалось справиться с эмоциями и осмотреть современный Новоржев, город, где когда-то жили родной брат деда Михаил Викентьевич Ковалевский, двоюродный брат Станислав Степанович Рокицкий и его жена Розалия Федоровна, приходившаяся родной сестрой моей бабушке; город где до назначения в С.-Петербург в 1904 г. работал мой дедушка, а затем его старший брат Константин Викентьевич Ковалевский.

Город пострадал во время Великой Отечественной войны катастрофически. Не уцелело практически ничего от прежней застройки, не сохранилось ни мощения улиц, ни церквей, ни здания гимназии. Прежний Новоржев напоминает только безмятежная водная гладь озер да экспозиция музея, собранная по крупицам усилиями его работников. Последним этапом моего своеобразного паломничества было посещение Пскова и двухдневная работа в архиве. Здесь снова мне помогла Елена Михайловна Кацнельсон и сотрудники отдела информации, без которых я мало что смогла бы успеть за столь короткий отрезок времени. Моя скромная попытка обратиться к истории рода Ковалевских, выросшего в псковскую землю всеми корнями, вообще не смогла бы состояться без постоянной помощи,

вплоть до сегодняшнего дня, Е.М.Кацнельсон, М.М.Шутовой и А.И.Сизова.

Исследование расширилось, те или иные сведения, казавшиеся не слишком достоверными, подтверждались или опровергались. Опираясь на документы, из которых следовало, что до внесения в Дворянскую родословную книгу Псковской губернии прадед Викентий Антонович значился Витебским дворянином, я продолжила поиски и получила ответ из Минска, что имеются документы, по которым можно проследить восходящее родословие деда и прадеда, по крайней мере, до 1674 г., когда Ловчий Ковенский Станислав Ковалевский/Шевердыкович-Ковалевский герба Прус III «присутствовал при совершении королем Яном III (Собесским) на Раста Conventa».

В настоящее время я располагаю лишь короткой выборкой, но надеюсь, что в дальнейшем получу некоторые документы. Тогда же я узнала, что отец Викентия Антоновича, Антоний-Доминик, мой прапрадед, жил в 50-х гг. XIX в. в Островском уезде Псковской губернии. Из родословной выборки стали известны имена родных братьев прадеда - Игнатия-Антония-Винцента, Юзефа-Болеслава и Савелия (Ксаверия), о существовании которых я раньше не знала. Словом, вновь обнаружившиеся документы требуют осмысления и побуждают продолжить исследования. Они содержат десятки имен, объединенных родством и ведущих происхождение от Станислава Ковалевского, названного в документе Ловчим Ковенским.

Заманчиво было бы проследить путь предков моей бабушки, урожденной Фальтинг, на Псковщину. Ее отец в формулярном списке дедушки именуется Феллинским гражданином (Феллин, нынешний эстонский город Вильянди). Однако если на приграничных территориях когда-то были сильны интеграционные процессы, то теперь возобладали совершенно противоположные тенденции, разобщающие соседние земли и людей, там проживающих. Поэтому на удачу поисков в этом направлении мне не приходится рассчитывать.

В ходе своей работы я попыталась узнать о судьбе братьев матери Михаила и

Володи и получила неутешительный ответ. Михаил состоял в Добровольческой Белой армии, долгие годы жил в Праге, а в 1945 г. с приходом советских войск был арестован в числе других бывших белоэмигрантов, осужден на 8 лет, затем был сослан в КАРГУЛАГ и умер в апреле 1950 г. Рассчитывать на успех запроса в ФСБ относительно брата моей матери Володи, по-видимому, нельзя было надеяться, так как я полагала, что его полное имя Вольдемар.

Лишь работа с фотографиями из семейного архива Новоржевских дворян Роклицких, родственников моего деда, и запись в Дворянской книге, хранящейся в ГАПО, позволила исправить ошибку - его полное имя было Владислав (самого Владислава Викентьевича в семье звали тоже Володей). Следы Володи затерялись где-то в Румынии, и, как ни странно, это совпадает со сведениями, содержащимися в доносе на дедушку от 1925 г.

Судьба другого брата моей матери, Льва Владиславовича, напротив, была целиком связана с РККА. Он участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, выполнял боевые вылеты, затем возглавлял гидроотряд, а последние годы жизни работал на Крайнем Севере, обслуживая воздушные линии УХТПЕЧЛАГа, где и погиб, когда в апреле 1934 г. его самолет потерпел аварию.

Тяжело было осознать, что гражданская война так далеко развела родных братьев, когда-то горячо привязанных друг к другу, и что лишь случай не свел их лицом к лицу в братоубийственной войне.

Горько было читать присланные по моему запросу в ФСБ РФ протоколы допроса Михаила Владиславовича, в которых он не назвал ни одного имени из оставшихся в Советском Союзе родственников, вероятно, небезосновательно боясь навлечь на них репрессии или, возможно, вычеркнув их из своего сердца.

Надежды узнать что-либо о судьбе еще одного брата моей мамы, Александра, не было. И вот тут случилось нечто невероятное. В канун 2000 г. в моей квартире раздался неожиданный звонок. Незнакомый

женский голос обратился ко мне по имени-отчеству, а затем сказал, что меня беспокоит Елена Михайловна Князева, ур.Иванжина, внучка Александра Владиславовича Ковалевского, умершего в Париже. Она тщетно разыскивала родных деда, но лишь случайно узнала о существовании записок, касающихся семьи Ковалевских, которые я оставила в Бежаницком музее. Ей удалось получить сначала копию самих записок, а затем найти и мой московский телефон. Не стану описывать эмоции, которые захлестнули и меня, и мою племянницу, когда мы встретились - вопреки судьбе, войнам и огромному, длиною в 86 лет, отрезку времени, когда-то навсегда разделившим родных брата и сестру. Как сказала Елена Михайловна, «наверное, они очень хотели, чтобы мы встретились!»

История брата моей мамы Александра Владиславовича, деда Е.М.Князевой, достойна отдельного рассказа. Это история человека, глубоко любившего Россию, умершего в эмиграции, но так и не принявшего французского подданства, остававшегося человеком русской культуры и сумевшего передать всю свою любовь к Родине дочери и трем внукам. Верность нравственным принципам и любовь к России были пронесены им и его. супругой, Еленой Владимировной Скобельциной, через всю долгую жизнь на чужбине. Думается, что не в последнюю очередь эти чувства подпитывались памятью о родителях и дедах, людях, которым и посвящены мои записки.

Неожиданно совсем новый смысл обрело одно впечатление, поразившее меня в Новоржеве еще в 1998 г., когда Марина Михайловна Шутова показала мне пару белых лебедей, скользивших по водной глади озера. «Вернулись! - воскликнула она. - А мы думали, что не вернутся, ведь один пьяница сжег их гнездо. Уж как отметили его тогда наши мужики! Причины в этом

поступке пьяницы и не было вовсе, а вот надо же - поджег!» Пронзительное чувство охватило меня тогда - это возвращение птиц, только что состоявшаяся моя встреча с Измалковым, земля, к которой я сразу «прикипела». Всё тогда связалось в тревожный, не до конца понятный, но крепкий узел. Теперь же, после звонка моей парижской племянницы, снова вспомнилось то щемящее чувство и подумалось: что-то было предчувствием немислимой, невероятной встречи - встречи сквозь десятилетия.

Начиная свои записки о семье Ковалевских, в глубине души я надеялась, что тем самым отдам долг памяти своим предкам, даже в своих самых смелых мечтах не могла предположить, какой радостью это обернется для меня самой. «Виною» моей встречи с племянницей Еленой Михайловной Князевой были мои записки, о которых ей рассказали во время поездки в Псково-Печерский монастырь, но по существу соединила нас псковская земля, сохранившая для внуков и правнуков Владислава Викентьевича Ковалевского всю притягательность, которую она имела для него самого. Именно благодаря её мощному зову пересеклись наши пути, вопреки и наперекор всей логике событий последних десятилетий. Благодаря ей восстанавливается разрушенное родовое кладбище семьи Ковалевских в Измалкове, объединяя усилия моих вновь обретенных родных и наших земляков в Измалкове, Бежаницах и Новоржеве, именно она цементирует родственные отношения и новые, только что завязавшиеся дружеские связи. Отдавая дань своим землякам и родному краю, попытаюсь рассказать об истории одного рода, неразрывно связанного с Псковом, Великими Луками, Новоржевом, Бежаницами, Пустошкой, Островским уездом и трепетно любимым, совсем незаметным на карте, но столь значимым для всех членов семьи Ковалевских - Измалковым.

Окончание следует.